

Бела Нове

Дебаты о цензуре

Борьба за свободу слова в Венгрии в 1980-е годы

Целью данной статьи является краткий исторический обзор и подробный анализ некоторых бурных дебатов по цензуре в Венгрии в 1980-е годы. Это была животрепещущая и главная проблема того времени – поздней коммунистической эпохи, до Горбачева и при Горбачеве, и она продолжала широко обсуждаться как неотъемлемая часть морального, политического и интеллектуального наследия венгерских демократических движений. Однако с начала 1990-х годов подобные дебаты становятся одинаково типичным последствием демократических изменений в таких странах, как Россия, Польша, Чешская Республика и других. Некоторые из провокационных аргументов прежних работ самиздата все еще продолжают вдохновлять оживленные дебаты даже сегодня – стоит упомянуть в качестве примера памфлет, вначале изданный в самиздате в 1981 году венгерским диссидентским журналистом Миклошем Харастии под названием «Эстетика цензуры» (*A Cenzúra esztétikája*), затем переведенный на французский (*L'Artist d'Etat*), английский (*The Velvet Prison*) и немецкий языки (*Die Staatskünstler*), но ставший в значительной степени читаемым и упоминаемым лишь недавно, в студенческой и интеллектуальной среде коммунистического Китая, после того как его перевод на кантонный китайский язык был издан гонконгским издателем и стал доступным и на веб-сайтах. Это еще одно

свидетельство того, что свобода печати и критическое мышление не могут более оставаться ограниченными.

Позвольте начать с короткого самоопределения одной из бывших свободных публикаций, взятого из «Заметки редактора» Ференца Кёсега, редактора-основателя «Говорящего» (*Beszűlx*), самого влиятельного венгерского периодического самиздатского издания: «Русское слово „самиздат“ буквально означает независимую публикацию. В мире без цензуры это звучит бессмысленно. Однако в странах, где правительство сохраняет за собой право разрешать или запрещать публикацию книг, периодических изданий и статей, все, что издается и распространяется без печати цензора, является самиздатом. Цензура и самиздат зависят друг от друга: пока цензура существует, всегда будут распространяться неподцензурные издания».

Краткая история венгерского самиздата¹

Самиздат существовал в Венгрии с самого начала 50-х годов, несмотря на ожесточенный государственный террор, направленный против любого выражения инакомыслия. Лучшим венгерским авторам был заткнут рот, но их стихи и проза циркулировали среди друзей. В этот период последователями различных деноминаций также распространялось значительное количество религиозной литературы. После революции 1956 года в среде интеллектуалов, рабочих и студентов распространялись политические манифесты, декларации и эссе. В случае поимки полицией их авторы на годы отправлялись в тюрьму. Показательным примером может служить Иштван Бибо, член революционного правительства и выдающийся политический мыслитель.

¹ Здесь я использую с некоторыми изменениями соответствующие части исторического краткого обзора, изданного Ференцем Кесегом как «Заметка редактора» в кн. «За круглым столом». Обзор независимой венгерской прессы 1987, 1-2. - С. 3-5.

Слово «самиздат» вошло в венгерский язык вместе с российской и польской практикой неподцензурных публикаций. Самиздат – система тайного издания и распространения запрещенной или диссидентской литературы и сама эта литература непосредственно. В Венгрии эта деятельность, по русскому образцу и под прямым влиянием польского движения самиздата, начала процветать в 1977 году.

В этот ранний период издатели самиздата произвели приблизительно 170 публикаций, размноженных главным образом на пишущей машинке или по трафарету. Первой, и одной из самых важных, был «Марксизм на четвертом десятилетии» (*Marxizmus negyedik évtizedben*). Другая публикация, «Профиль» на 800 страницах (венгерский термин для области или диапазона издательства), под редакцией Яноша Кенеди, представляла собой превосходную коллекцию стихов, рассказов, эссе и исследований, отклоненных официальными периодическими изданиями в 1970-х годах под тем предлогом, что они не вписались в формат. Самым существенным изданием раннего самиздата стала публикация 1000-страничной Книги памяти Бибо (*Bibó-emlékkönyv*) в 3-х томах, под редакцией Ференца Доната и других, в честь вышеупомянутого Иштвана Бибо. Анализ Бибо венгерского общества и его теория «принципиальных компромиссов» поразительно напоминала концепцию ограниченной революции польского KOR (Комитета обороны рабочих) и оказала большое влияние на венгерских интеллектуалов.

В этот машинописный период выпускались также два периодических издания: *Magyar Figyelő* («Венгерский Обсервер»), сконцентрированный на внутренних делах и на судьбе венгерских национальных меньшинств вне пределов Венгрии, и *Kelet-Európai Figyelő* («Восточноевропейский Обсервер»), публиковавший в основном переводы самиздата и эмигрантской прессы («тамиздат») стран советского блока.

В 1981 году, под влиянием обширной независимой прессы в Польше периода «Солидарности», различные группы предприняли производство самиздата для более широкого обра-

щения. Первой механически тиражированной публикацией стал 5-й выпуск *Kelet-Európai Figyelő*, вышедший в августе 1981 г. под названием «Польское лето» (*A lengyel nyár*).

Переворот Ярузельского глубоко потряс венгерскую оппозицию. Разочаровавшиеся прекратили активную деятельность. Однако большинство диссидентов решили продолжить работу, основываясь на критическом отношении к польскому эксперименту. Два из ранних периодических изданий, *Kisúgó* («Аутформер» в противоположность «Информеру») и *Magyar Figyelő* прекращают публикации. *Beszélő*, с другой стороны (слово означает «Говорящий», но также и приемные часы в тюрьме), политический ежеквартальник, продолжает выходить.

Вместе с публикацией первых обзоров самиздата началось также и книгоиздание. Первым и самым производительным независимым издательством стало «Независимое издательство АВ» (*AB Független Kiadó*) Габора Демски, начавшее свою деятельность в 1982 году. Помимо ряда политических публикаций («Дополнение к истории Восточной Европы», «1956», «Польша», «Гулаг») оно выпускало растущими тиражами работы иностранных и венгерских авторов, живущих на родине и за границей. Были изданы «Скотный двор» Оруэлла, пьесы Вацлава Гавела и романы Милана Кундеры. Одним из самых популярных изданий стала публикация автобиографического романа Дьердя Фалуды, видного венгерского прозаика и поэта. 600-страничный роман «Мои веселые дни в аду» (*Pokolbeli víg napjaim*), ранее изданный на английском, французском, немецком, шведском и японском языках, впервые был выпущен и на венгерском языке в форме книги в публикации самиздата.

Другое независимое издательство, *ABC Press* Жено Надя, выпустило «Слепящую тьму» Артура Кестлера и биографию Рауля Валленберга. Издательство под названием «Венгерский октябрь» (*M. O. Független Kiadó*) начало с непримиримого «56-го» Дьердя Крассо, поставив своей главной задачей публикацию работ и документов в связи с революцией 1956 года. Среди их

урожая можно найти такие издания, как записки 1956 года Иштвана Бибо, и «Венгерский дневник» Виктора Ворошильского, выдающегося польского поэта и журналиста. Те же издатели выпустили поразительные автобиографические записки Бела Шаша, пережившего репрессии Райка, и «1984» Джорджа Оруэлла. Помимо этих крупных издательств, активное участие в независимых публикациях принимали и несколько меньших: *Áramlat* («Поток»), *Katalizátor Iroda* («Бюро катализации»), *Alulnézet* («Вид снизу») и *Szabadidő* («Досуг»). Следует особо упомянуть авангардистские художественные публикации и политические документы, изданные в качестве артобъектов *Inconnu Art Group*. Хотя венгерская цензура и была относительно либеральна, вышеупомянутые работы никогда не достигли бы венгерской общественности без деятельности независимых издательств.

Из числа венгерских самиздатовских периодических изданий обязательно стоит упомянуть такие, как *Beszélő* («Говорящий»), *Máshonnan Beszélő* («Говорящий из другого места»), *AB Hírmondó* («Вестник АВ»), *Demokrata* («Демократ»), *Égtájak között* («За отметками компаса»), *Vízjel* («Водяной знак»), *Magyar Zsidó* («Венгерский еврей»), и *Határ/idő/napló – erdélyi figyelő* («Н/И/Н Трансильванский монитор»). Используемые технические методы включали мимеографию, шелкографию, «рамку» (комбинация двух вышеупомянутых методов первых лет польского самиздата), фотокопию и офсетную печать. Последняя особенно широко применялась в книгоиздании с середины 1980-х гг.

К 1988 году усилились радикальные оппозиционные движения, началась организация демократических партий, и внезапный бум независимых публикаций стал неотвратим. Так что когда в мае 1989 года последний коммунистический премьер-министр Миклош Немет объявил, что для издания книг и газет любого вида больше не требуется предварительное разрешение, это стало лишь публичным признанием политической действительности. Это явилось официальным концом цензуры, которая существовала в стране более четырех

десятилетий, вместе с насильственно поддерживаемым коммунистическим правлением.

В целом, чуть более чем за десятилетие жизни венгерского самиздата, за период 1977-1989 гг. движение выпустило в свет около 300 книг и две дюжины периодических изданий. (К сожалению, полная критическая библиография всех венгерских публикаций самиздата все еще не подготовлена.) Этот урожай не столь же богат и универсален, как советско-российский, и, конечно, имел гораздо меньше «власти мобилизации», чем независимая польская пресса, в течение многих лет поддерживавшая сопротивление целого общества против коммунистического правления и военного режима. И все же две особенности, как представляется, являются весьма существенными даже спустя многие годы: его интеллектуальная сила и радикальное стремление к правде и справедливости. Однако их можно со всей силой прочувствовать в аргументах былых споров о цензуре и в публикациях самиздата и на других свободных форумах, а также в общественных протестах и дебатах Союза венгерских писателей.

«Несуществующие» цензоры при «реальном социализме»

«В Венгрии нет никакой цензуры», – заявил с очевидным лицемерием Дьердь Ацел, секретарь по культуре Центрального комитета Коммунистической партии более двух десятилетий назад в интервью Полю Ландвэ в 1980 г.² Однако всем было хорошо известно, что в стране «реального социализма» такая вещь, как цензура, существовала и очевидно должна была существовать, так что это заявление, сделанное самым влиятельным коммунистическим лидером, отвечающим за культурную политику, было лишь рутинной пропагандистской ложью или образцом демагогии.

И все же большинству современников было бы весьма трудно представить конкретное доказательство цензуры или

² A. György, *Szocializmus, nemzet, kultúra (Socialism, Nation, and Culture)*, Budapest 1985. - С. 168.

подробно описать, как она работала в ежедневной практике. Даже сегодня она нередко кажется своего рода одним из паззлов, которые надлежит сложить, чтобы восстановить былой механизм власти, отчасти из-за его сложности и отчасти из-за недостающих данных и документов. Это является еще одной причиной попытки глубже проникнуть в него.

Во-первых, следует сказать, что цензура в Венгрии, как в любых других социалистических странах советского блока, была в целом централизованной и многоуровневой системой, которой управляли в соответствии и с формальными, и с неофициальными директивами, скрытыми и публичными средствами. Коммунистическое правление как ежедневный механизм власти нередко выглядит как сомнительная система, своего рода плохо скрытое полицейское государство, поддерживаемое громоздкой бюрократией. Фактически даже спустя десятилетия совсем не легко различить ясную иерархию личных и институциональных компетенций.

Для начала, существовало несколько отделов и секций в центральной иерархии партии, которыми и осуществлялся общенациональный ежедневный контроль над СМИ, государственным образованием, культурой, наукой, искусством и литературой. Хотя частые перестановки на ключевых позициях и скрытая конкуренция среди высших аппаратчиков время от времени изменяли их фактическую компетенцию и эффективность, все эти отделы относились к ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (*MSZMP*) и разделяли обязанность инструктирования соответствующих государственных институтов – от министерств до муниципалитетов, от СМИ до хорошо разветвленного штата тайной полиции, как сложного механизма государственной цензуры.

Отдел правительства (*КАО*) при Центральном комитете и во главе с секретарем ЦК отвечал за подготовку и проведение в жизнь руководящих принципов высшего уровня и решений Центрального комитета или Политбюро и имел также обязанность отчитываться о некоторых фактических проблемах, включавших скандалы вокруг некоторых диссидентских

авторов, периодических изданий или других публикаций и т. д. С одобрения Политбюро этот отдел должен был принимать самые трудные «кадровые решения», такие как замена штата непослушных редакторов прессы и книгоиздателей, затыкание рта или даже высылка некоторых авторов и журналистов, инструктирование полиции по принятию мер против производителей самиздата и т. д.³

Кроме того, существовали еще по крайней мере две влиятельных организации с подобными задачами, обе при Центральном комитете: Отдел агитации и пропаганды (АРО) и Отдел науки, культуры и государственного образования (ТККО). Первый, когда-то метко названный «Папой» – от уменьшительного значения венгерской сокращенной формы АРО – регулярно проводил неофициальные «идеологические и политические» встречи с главными редакторами периодических изданий и каналов средств массовой информации, а также непосредственно инструктировал такие организации цензуры, как *Kiadói Főigazgatóság* (Главное управление издательств) и *Filmfőigazgatóság* (Главное управление кинематографии), имевшие окончательное право разрешить или запретить публикацию или выпуск книги или фильма. Последняя организация, ТККО, обладала правом обширного контроля научных исследований, государственного образования и культуры, через соответствующий партийный и государственный аппарат с «несколько более тонкими» и неофициальными средствами, то есть путем назначения ключевых функционеров для соответствующих организаций и учреждений и т. д.

Как же реагировали партийное руководство и аппарат на проблему возникшего движения самиздата и демократической оппозиции с 1979 года? Во-первых, следует сказать, что

³ На протяжении 1970-х гг. происходили неоднократные случаи жесткого политического преследования, вдохновленного главными партийными органами: арест Дьердя Конрада и Ивана Селеньи за их рукопись «Интеллектуалы на пути к классовой власти», суд над молодыми «маоистскими заговорщиками» Миклошем Харасте, Дьердем Пором и Дьердем Далошем, ссылка философов Агнеш Хеллер, Ференца Фехера и Дьердя Маркуша, членов Будапештской школы Лукача, выступивших против военного вторжения в Чехословакию в августе 1968 года.

едва ли делались какие-либо официальные публичные декларации по этому поводу со стороны коммунистических лидеров, которые лишь отразили бы трусливую и лицемерную природу спутниковой диктатуры. Во-вторых, даже закрытые заседания сессий Центрального комитета или Политбюро весьма разочаровывали, предоставляя совсем немного в плане информации, реальных дебатов или личных аргументов. Предпочтения коммунистического лидерства, были, однако, ясны: 1) избегать политических скандалов (и внутри страны, и за границей), 2) использовать все неофициальные и формальные средства для запугивания или изоляции диссидентов и, наконец, 3) предоставлять делать «грязную работу» тайной полиции, аппаратчикам самого низкого уровня и журналистам, всегда готовым к развязыванию общественных обвинительных кампаний против диссидентских авторов и других членов оппозиции.

С конца 1960-х до 1988 года неоднократно и безуспешно проводились различные партийные решения с целью положить конец «второй гласности» (эвфемизм, использовавшийся для самиздата, тамиздата и таких форм альтернативной гласности, как квартирные летучки-семинары независимых интеллектуалов и т. д.). Так что самой горячей и щекотливой темой оставались так называемые «параллельные публикации» и тесные связи между «самиздатом» и «тамиздатом», предотвратить которые Политбюро, горько сетовавшее об этом на своих сессиях, было, однако, не в состоянии. Обе проблемы подрывали информационную монополию партии внутри и вне страны, нанося ущерб ее официальной самопропаганде перед Западом. Термин «параллельные публикаторы» использовался в отношении венгерских авторов и журналистов, издававших свои работы и в самиздате, и в каналах, контролируемых государством, и, кроме того, осмеливавшихся давать критические интервью западным СМИ, пренебрегая таким образом секретными правилами игры «несуществующей» коммунистической цензуры. (Из-за их сильного влияния в дни революции 1956 года и впоследствии радиостанция «Свобод-

ная Европа» официально считалась «самой опасной» из всех западных СМИ.) Вплоть до конца 1987 года Политбюро неоднократно принимало решения с целью положить конец проклятой практике «параллельных публикаций» – и все напрасно. В декабре 1980 года, когда проблема обсуждалась впервые, Политбюро вынесло следующую резолюцию: «Необходимо предотвратить тот факт, что некоторые люди могут использовать „множественные“ каналы гласности для пропаганды своих взглядов. Произведения авторов, которые публикуют свои работы через радиостанцию „Свободная Европа“ или другие враждебные каналы, или в сериях *Cahiers Hongrois* [„Венгерские тетради“, издававшиеся венгерскими эмигрантами в Париже] или в других враждебных изданиях, или же в виде незаконно распространяющихся публикаций (самиздат), должны издаваться только после предварительного консультирования с редакторами [разрешенных] издательств, периодических изданий или других органов прессы. Отдел науки, культуры и государственного образования Центрального комитета должен подготовить список авторов, произведения которых могут издаваться только после предварительной консультации, и распространить этот список среди соответствующих государственных организаций и главных редакторов периодических изданий и издательств»⁴.

Хотя государственная бюрократия и Политбюро партии неоднократно обсуждали, как относиться к «оппозиционно-враждебным группам» и их «незаконным публикациям», ни эти принципы, ни список запрещенных работ и авторов никогда не объявлялись публично, хотя этого и требовали в полный голос непокорная редакция *Mozgó Világ* и собрание Союза венгерских писателей в 1981 и 1986 гг., как будет отмечено позже. В эру Кадара в ежедневной практике правительства преобладали неформальные методы.

⁴ Полный текст на венгерском языке можно прочитать в кн.: *A magyar demokratikus ellenzék. 1-3. Dokumentumok. Writen and edited by E. Csizmadia*, T-Twins Publisher, Budapest 1995, T. 3. - С. 116-117.

Само собой разумеется, огромную роль играла и «полиция мысли», особенно Отдел III/3 государственной безопасности. Домашние обыски, краткосрочные аресты, крупные штрафы и разные другие формы преследования регулярно происходили с 1981 до 1988 гг. В целом были уничтожены тысячи копий книг самиздата и документов, а множительная техника конфискована. В первые годы самиздата (1982-1984 гг.) редакторов периодических изданий *Beszélő* и *Hírmondó* чаще всего изматывали штрафами. Весной 1983 года Габор Демски, главный редактор *AB publishers* был подвергнут нападению полиции на улице и, под предлогом оказания сопротивления властям, шестимесячному тюремному заключению. Несколько позже серьезным преследованиям, домашним обыскам и крупным штрафам подверглись Дьердь Крассо, издатель «Венгерского октября» и издатели «Демократа», «За отметками компаса» и «Службы катализации».

В «бархатной тюрьме» и вне ее

Мы уже упоминали первую концептуальную работу самиздата, содержащую лобовую атаку на государственную цензуру: памфлет Миклоша Харасты, первоначально называвшийся «Эстетика цензуры» (*A cenzúra esztétikája*⁵) или, в его английской версии, - «Бархатная тюрьма»⁶. Харасты начал формировать свое критическое видение практики цензуры несколькими годами ранее, в середине 1970-х, когда так называемая кадаристская консолидация, по общему ощущению, была весьма сильна в Венгрии, с ее рутинным контролем культуры, науки и образования. К тому же большинство художников, писателей и интеллектуалов на государственной службе, казалось, не только читали правила коммунистического режима, но и охотно поддерживали их. Этот вид лояльности как всеобщей позиции заставил Харасты прийти к заключению, что

⁵ M. Haraszti, *A cenzúra esztétikája*, AB Independent Publisher, Budapest 1981/1986.

⁶ M. Haraszti, *The Velvet Prison*, Penguin Books, 1989.

цензурные принципы и ежедневная практика власти (спустя приблизительно два десятилетия после венгерской революции 1956 года) успешно передали многие из своих функций непосредственно художникам и интеллектуалам, подвергающим себя самоцензуре и самодисциплине. Это было главной стимулирующей особенностью, к тому же автор стремился показать новую систему государственного контроля над культурной и интеллектуальной жизнью, то есть возникновение «новой цивилизации». Вот некоторые остроумные описания ее исторической новизны в представлении Харасты: «Цензура уже не дело простого государственного изобретения. Появилась новая эстетическая культура, в которой цензоры и художники сплелись во взаимных объятиях. И это отнюдь не так уж неприятно, как могут подумать традиционные критики цензуры. Государство в состоянии одомашнить художника, потому что художник уже сделал государство своим домом.

Эта книга об эстетике цензуры, символических отношений между художниками и современным социалистическим государством. Она исследует усилия государства по управлению культурой, которой оно руководит, и пытается привлечь к соучастию в этом деле художников и писателей, вынужденных сотрудничать со стражами, правящими обществом, в котором они живут и работают. Я родился в лоне этой новой культуры, и я живу в стране, где уже много лет фактически ничто не угрожало гегемонии государственного контроля. Я полагаю, что Венгрия, среди всех социалистических стран играет роль провозвестника, указывая путь к более высокой, более зрелой стадии, которую Виктор Серге назвал однажды «режимом управления мыслью». Международная репутация Венгрии как одной из самых умеренных и открытых из всех социалистических стран делает ее образцом, поскольку она и типична, и более развита, чем другие.

Эта книга не является ни грустной коллекцией анекдотов о цензуре, ни академическим анализом дьявольской системы надзора. Такие подходы, весьма одобряемые специалистами по Восточной Европе, привели бы лишь к уклонению от более

важных вопросов. Кто создает эту культуру? Почему? Как? Почему она столь живуча? Является ли наличие явного или скрытого террора достаточной причиной для ее выживания? Действительно ли для процветания искусства необходима свобода?»⁷.

Даже эти немногие слова отражают тот факт, что Харати, часто с большой иронией и сарказмом, которыми он охотно пользуется в своем памфлете, взял на себя роль *адвоката дьявола*. Однако его исторические замечания о свободе мысли и свободе искусства, как представляется, более существенны и достойны рассмотрения: «Только с середины прошлого столетия искусство стало рассматриваться как синоним антиавторитаризма. Только тогда искусство стало признанным символом протеста индивидуального сознания, подвергающего сомнению мировой порядок. Такая художественная автономия была частью обещания буржуазной цивилизации. Но период, в который это обещание было сделано, охватывает только часть истории искусства. Мы должны лишь призвать искусство древних египтян и греков, чтобы понять, что искусство без антиавторитаризма возможно. Имеет ли смысл жаловаться на нехватку свободы в искусстве средневекового христианского мира? [...] Таким образом, само искусство, возможно, вечно, но эти хорошие новости утешат лишь того, кто ожидает контакта с космическими пришельцами. Прежде чем мы потребуем эстетического нейтралитета от тех государств, которые ангажируют своих художников — своих уважаемых служащих, мы должны попытаться не то чтоб понять, а вообразить то, на что он похож: увидеть прошлое из будущего»⁸.

В «Бархатной тюрьме» Харати снова и снова возвращается к своей основной проблеме, насколько успешным и жизнеспособным мог быть в прошлом и в будущем «Режим управления мыслью». Вот некоторые из его выводов из последней главы «Пространство между строк»: «Наблюдатели могут предпо-

⁷ *Ibidem.* - С. 5-6.

⁸ *Ibidem.* - С. 13-15.

ложить, что это долгожданное доказательство того, что искусство – противник всякого учреждения, даже в период его презренного рабства. Что еще можно найти между строк, кроме сдержанных протестов, признаков осторожной независимости? Тот факт, что протест можно вычитать между строк, является, как говорят, уступкой цензуры, которая почти победила его. Управление искусством эффективно только до тех пор, пока оно в состоянии вынудить искусство оставаться простым эхом идеологии. В этом распаде государственной культуры становится неостановимым момент, когда искусство достигает свободы разнообразной интерпретации – хотя бы только между строк. Культуры, говорящие раздвоенным языком, не могут долго жить. Зная об упадке классической цензуры, такие наблюдатели расценивают выражения автономии, хотя и слабой, как причину для оптимизма.

Но я думаю, что память, возможно, коротка. Китаисты особенно смакуют открытие иронии, сатиры и непочтительности в поэзии тысячелетней империи, которая, казалось, изначально была переполнена лишь хвалой императору. Так же и в средневековье, разве еретики не давали иного толкования принятым догмам и разве они не были осуждены, прежде чем их взгляды были приняты? Конечно, у меня нет никаких причин считать двойной язык тоталитарного социализма более разрушительным или недолговечным, чем любой из его предшественников.

Сообщение между строк уже властвует в нашей управляемой культуре. Эта техника принадлежит не одним художникам. Бюрократы тоже говорят между строк: они тоже применяют самоцензуру. Даже самый лояльный субъект должен носить бифокальные очки, чтобы читать между строк, поскольку это единственный способ расшифровать реальный строй нашей культуры. Реальное сообщение имеет место лишь между строк. И сама общественная жизнь тоже является пространством между строк»⁹.

⁹ *Ibidem.* - С. 143-145.

Но что забавного может предложить такая извращенная коммуникация тем, кто принимает в ней участие? Харати наконец дает мастерский ответ на это, и сочувственный, и иронический: «Читатель не должен думать, что мы терпеть не можем порочность этой скрытой общественной жизни и что мы участвуем в этом лишь вынужденно. Напротив, техника письма между строк для нас идентична художественному методу. Это часть нашего навыка и проверка нашего профессионализма. Даже престиж, предоставленный нам бюрократическим аппаратом, частично зиждется на нашем таланте говорить между строк. Несказанное по крайней мере столь же (а зачастую и более) важно, чем сказанное»¹⁰.

Если выражение *sua fata libelli* остается верным, то еще в большей степени оно относится к памфлету Харати. Книга получала, вплоть до последнего времени, весьма бурный прием и в Венгрии, и во всем мире. Автор, как уже говорилось, начал писать ее в середине 1970-х, а закончил к августу 1980 года — как раз перед победой польского движения «Солидарности» — и вначале, в 1981 году, незадолго до введения диктатуры польского маршала, она распространялась в Будапеште в виде отпечатанной по трафарету брошюры самиздата. Другое венгерское издание самиздата в книжной форме вышло в 1985 году¹¹, а французский, немецкий и английские переводы вышли из печати¹² в течение 1980-х годов.

Несомненно, памфлет Харати претерпел большое влияние теории Дьердя Конрада и Ивана Селеньи, изложенной в книге «Интеллектуалы на пути к классовой власти», также

¹⁰ *Ibidem.* - С. 145.

¹¹ В «Независимом издательстве АВ» Габора Демски. Вскоре после смены политического строя тот же текст был выпущен в третий раз будапештским издательством *Gondolat*, 1991.

¹² Французский выпуск: *L'Artist d'Etat*, Fayard, Paris 1983. Немецкий выпуск: *Die Staatskünstler*, Rotbuch Verlag, Berlin 1984. Английские выпуски: 1) *The Velvet Prison*, Basic Books–New Republic Books, New York 1987; 2) I.B. Tauris, London 1988; 3) The Noonday Press–Farrar, Straus and Giroux, New York 1989; 4) Penquin Books, London 1989.

первоначально изданной в самиздате¹³. Как только коммунизм или государственный социализм был официально объявлен системой, базирующейся – по крайней мере в теории – на неоспоримых марксистских доктринах, все ее противники почувствовали необходимость выразить свои критические взгляды на эту тем не менее структурированную теоретическую основу¹⁴. Как комментирует Дьердь Конрад в своем предисловии к английскому переводу книги Харати, «ранее, в книге под названием „Интеллектуалы на пути к классовой власти“, написанной мной вместе с Иваном Селеньи, я попытался исследовать, как интеллигенция становится отдельным классом при государственном социализме. Теория, согласно которой цензура при государственном социализме является естественно присущим, конституционным и конструктивным элементом литературы, последовательно экспроприруемой властной элитой, была вдохновлена настроением середины 1970-х годов. Мы пришли к выводу, что коммунизм – система, власть которой поддерживается не одной только полицией»¹⁵.

Памфлету Харати, тут же после его выхода в свет, удалось вызвать некоторые критические размышления среди венгерских писателей и интеллектуалов. Двое из них: поэт и философ Дьердь Петри и историк литературы Габор Кланицай – опубликовали свои критические комментарии в *Beszélő*, самом

¹³ K. Szelényi, *Az értelmiség útja az osztályhatalomhoz*, Katalizátor Iroda, Budapest 1987.

¹⁴ Это выразилось в огромном количестве теоретической литературы новых оставшихся на Западе авторов, и в попытках пересмотра марксистского наследия на Востоке, например, философа Дьердя Лукача и его «Будапештской школы». Здесь нет возможности для полного анализа этой богатой и довольно двойственной традиции политических теорий, отметим лишь факт, что одной из первых венгерских книг самиздата был сборник под названием «Марксизм на четвертом десятилетии», и многие из видных активистов бывшей демократической оппозиции, а именно: Янош Киш, Дьердь Бенче, Михай Вайда и др. – принадлежали к школе Дьердя Лукача. Является также общеизвестным фактом, что сам Харати в конце 1960-х годов некоторое время заигрывал с маоизмом и вместе с другими даже подвергался судебному преследованию по обвинению в участии во «враждебном маоистском заговоре».

¹⁵ G. Konrad, *Forward to The Velvet Prison. Artists Under state socialism*. By Miklós Haraszti, Penguin Books, London 1989. - С. xiii.

влиятельном венгерском периодическом издании самиздата. Петри в своей статье¹⁶ радикально отверг концепцию Хараси и его описание «новой цивилизации», основанной на взаимном самоограничении и подчиненных, и правителей. Он категорически отрицал, что какая-либо цензура когда-либо оказывала вдохновляющее влияние на культуру, как не готов был и допустить, что писатели и интеллектуалы могли когда-либо извлекать пользу из нее или творчески подходить к такому компромиссу. Напротив, он высказался за все более многообещающую борьбу за интеллектуальную автономию на основе восстановления некоторых моральных принципов и профессиональных стандартов качества интеллектуальной жизни, в то время как цензурная практика государственного социализма утратила всякие подлинные идеологические принципы и продемонстрировала лишь реальную репрессивную природу полицейского государства.

Кланицай в своей статье¹⁷ размышлял об аргументах и Хараси, и Петри. Прежде всего он заявил, что «Хараси и Петри говорят, похоже, о разных вещах» и оба склонны пренебрегать истинной сущностью культуры. Однако он с готовностью допускал «положительную функцию сатирическо-пессимистических преувеличений Хараси», поскольку они могли успешно вдохновить критическое мышление и вызвать встречные аргументы. Как отмечал Кланицай, неудача Хараси состояла в том, что его брошюра вышла слишком поздно и большая часть его видения процветающей «новой цивилизации» постсталинистского консенсуса по самоцензуре стала устаревшей. «Сегодня я скорее согласился бы со взглядами Петри, чем с видением Хараси». Однако, как добавлял Кланицай, «книга Хараси, по моему мнению, является первой полноценной попыткой описать новый тип ограничений и их

¹⁶ G. Petri, *A legvidámabb barakk mint civilizáció (The „happiest barrack” as a civilisation. Reflections on Miklós Haraszti’s book.) // Beszélő, Összkiadás (Collected Edition), T. I: 1981–1984, AB-Beszélő Kiadó, Budapest 1992. - С. 94-96.*

¹⁷ G. Klaniczay, *Még egyszer a cenzúra esztétikájáról (Once again on Censorship. Reflections on Miklós Haraszti’s book.), ibidem. - С. 210-213.*

потенциальное воздействие на социалистическую культуру как систему – и это заслуживает большего, чем только сердитого отрицания (...) Петри не должен был критиковать Харати за поэтическое преувеличение “новой цивилизации”, а скорее должен был указать, что предложенная автором система слишком статична». Культура в более широком смысле – ежедневная практика общества, которая не может управляться отборными циничными бюрократами, как не может и основываться лишь на героическом сопротивлении отдельных радикальных интеллектуалов, и именно это делает Кланиця не слишком оптимистичным в отношении будущего.

Дебаты по цензуре в 1980-е годы, помимо частых публикаций самиздата, становились достоянием общественности благодаря общим собраниям Союза венгерских писателей и сессиям Европейского культурного форума, проведенного в Будапеште в конце 1985 года. Обе встречи представили превосходный случай для привлечения внимания как внутренней, так и международной общественности к продолжающимся цензурным конфликтам и началу открытых дебатов не только по фактическим жалобам, но и по установлению некоторых общих принципов.

Европейский культурный форум 1985 года в Будапеште

Спустя десять лет после подписания Хельсинкского соглашения всеми европейскими государствами (кроме Албании), а также Канадой и США, настала очередь Венгрии принять у себя – впервые в стране советского блока – Европейский культурный форум, состоявшийся в Будапеште с 15 октября по 29 ноября 1985 года. Событие сопровождалось обзорными конференциями в Белграде и Мадриде, проводившимися для контроля соответствия Хельсинкским обязательствам. Темой будапештской встречи была свобода в культуре и искусстве, формировавшая собой третью «корзину» Хельсинкских соглашений. Конференция обещала быть интересной, ввиду того факта, что цензура – явная или скрытая, практиковав-

шаяся в коммунистических странах, противоречила принципам Хельсинкских соглашений и представляла, таким образом, легкую мишень для западных делегаций.

На официальный форум в Будапешт в целом прибыло около 850 участников, город был фактически оккупирован на шесть недель легионом дипломатов и экспертов. Советская делегация насчитывала 90 участников, чехословацкая – 74, западногерманская – 72, польская – 54, американская – 52 и румынская – только 7. Делегации стран советского блока, за исключением румынской, возглавлялись министрами, в то время как западные делегации возглавлялись экс-министрами или послами. По негласному соглашению, в западные делегации не входили эмигранты из восточноевропейских стран.

Хозяева и гости, официальные и неофициальные группы долго готовились к событию, которое, как ожидалось, будет иметь высокую гласность. Диссиденты и правозащитники, агенты и тайная полиция, партийные бюрократы и журналисты – все были готовы проявить себя. В подготовке к Форуму участвовали даже художники, например, из будапештской *Inconni Group* – молодые таланты, с большой выдумкой и политической смелостью напечатавшие множество наклеек с изображением Моны Лизы в венгерской полицейской форме, расклеенных по всему городу во время конференции: на автобусах и трамваях, на общественных телефонах и в витринах магазинов, и являвших причудливое, но и весьма реалистическое изображение Венгрии как «очаровательной полицейской страны». Был также отпечатан самиздатом постер с тем же дизайном «Констебля Джоконды» с добавлением лозунгов: «Культура без Полиции! – Искусство без Цензуры!» Немногие знали, что его молодой дизайнер, Петер Бокрош был насильственно взят в армию прямо перед началом Форума и провел те дни в «роскошной изоляции» в военной тюрьме.

На официальном открытии конференции венгерская оппозиция обратилась к участникам Европейского культурного

форума в Будапеште с меморандумом¹⁸. Он был, как показывают эти немногие строки, сформулирован в духе радикального отрицания всякого антидемократического контроля за культурой и гласностью: «Свободу печати!»

Правительство торжественно заявляет, что в нашей стране нет никакой цензуры. Те, кто утверждает это, сознательно лгут. На самом деле нет никакой цензурной организации как таковой, с государственными служащими, называемыми цензорами. Однако эффективная цензура может одинаково осуществляться и путем запрета книг или конфискации печатных материалов, принуждением к молчанию писателей и художников, смещением лекторов и редакторов периодических изданий, а также такими полицейскими преследованиями, как домашние обыски и штрафы для запугивания издателей самиздата. Неоспоримая государственная монополия и однопартийный контроль прессы, книгоиздания, кинопроизводства, радио и телевидения – таковы действенные средства цензуры.

В Венгрии нет никакой свободы печати. Общественной информацией управляет тайная цензура, которая юридически никогда не определялась».

Шестистраничный меморандум, подписанный 22 венгерскими диссидентскими писателями, художниками и учеными¹⁹, продолжается перечислением главных требований в 9 пунктах. Они включают новые законы о прессе для гарантии полной свободы прессы лишь с двумя ограничениями: запретом пропаганды насилия и войны и запретом пропаганды межнациональной и межэтнической розни. Список требований

¹⁸ *A magyar demokratikus ellenzék felhívása az Európai Kulturális Fórumhoz* (Обращение венгерской Демократической оппозиции к Европейскому культурному форуму) // *Beszélő, Összkiadás (Collected Edition)*. Т. II: 1984–1987, AB-Beszélő Kiadó, Budapest 1992. - С. 335-338.

¹⁹ Меморандум подписали: Петер Бокрош, Габо Демски, Золтан Эндреффи, Дьердь Гадо, Бела Гондош, Миклош Харасты, Андраш Кардош, Янош Кенеди, Янош Киш, Дьердь Конрад, Дьердь Крассо, Тамаш Молнар, Андраш Надь, Жено Надь, Тибор Пак, Дьердь Петри, Шандор Радноти, Ласло Райк, Оттилия Зольт, Пал Салай, Гаспар Миклош Тамаш, Михай Вайда.

включает также прекращение государственной монополии во всех сферах общественной информации (путем создания независимых ежедневных газет, еженедельников и периодических изданий, а также частных кино- и видеостудий); прекращение государственной монополии в книгоиздании; прекращение полицейского контроля над множительной техникой, ксероксами и даже печатными машинками (!); прекращение политической цензуры литературных и научных работ; прекращение официального преследования и изгнания несогласных авторов и художников; прекращение конфискации книг, газет и рукописей у венгерских граждан, возвращающихся с Запада; обеспечение свободного доступа ко всем материалам «закрытых секций» публичных библиотек и коллекций и, наконец, возможность публичного распространения иностранных газет, периодических изданий и книг без каких-либо политических ограничений.

Совершенно очевидно, что эта радикальная программа точно соответствовала стратегии венгерской демократической оппозиции 1980-х, требуя от властей уважения прав человека вообще и политических свобод в частности, согласно существующим стандартам западных демократических государств. Эти требования едва ли могли отвергаться или открыто оспариваться венгерским правительством (или правящей партией), ранее подписавшим несколько международных соглашений в соответствии с этими самыми принципами, и самое важное из них – в Хельсинки в 1975 году. И особенно не в 1985 году, когда новый кремлевский лидер-реформатор Михаил Горбачев развернул свои кампании за «гласность» и «перестройку» - прозрачность и реструктурирование советской власти. Однако практически партийное руководство и проинструментированные им власти нисколько не были готовы пойти на какие-либо серьезные уступки и рассматривали Европейский культурный форум в Будапеште как легкую интермедию, которой лишь надлежало поддержать официальный имидж Венгрии как «самой либеральной страны на Востоке» или «самого счастливого барака в советском лагере».

Эта иллюзия была, однако, ощутимо подпорчена «Альтернативным форумом», организованным совместно некоторыми западными интеллектуалами, дипломатами и венгерскими диссидентами.

Недавно вышла книга по истории венгерского Хельсинкского комитета²⁰, отлично написанная монография, в которой было опубликовано также множество архивных документов. Ее автор, Андраш Минк, комментирует упущенный шанс официальных дебатов следующим образом: «Нельзя полностью обвинять западные делегации в неудаче Форума по использованию возможности жарких дебатов и пылкой критики коммунизма. Повестка дня конференции фактически уничтожила надежды на какие-либо дебаты. Делегации Восточного блока настояли на чрезвычайно детализированной повестке дня, которую они утвердили. Таким образом, получить слово могли только отобранные делегаты; им позволялось говорить лишь о ранее указанном ими предмете, и впоследствии не было никаких неофициальных обсуждений (...)

В любом случае, даже западные делегации оказались не в состоянии выступить с единых позиций. Большинство делегатов произнесли речи по собственным узким темам, сведя к минимуму политику. Случайная критика прозвучала от нескольких честных, но изолированных ораторов. Иногда их речи производили большой резонанс, но вышеупомянутые процессуальные нормы препятствовали тому, чтобы они оказали сильное воздействие на конференцию».

В статье, опубликованной в самиздатовском *Beszélő*, редактор Миклош Харасты горько обвинял лицемерный дух официального Хельсинкского форума: «Что, в самом деле, произошло? (...) Что сделано, того не переделаешь: тоталитарные и демократические страны объединились для обсуждения будущего культуры. Но тем, что останется навсегда в нашей памяти, была манера, в которой была организована встреча:

²⁰ A. Mink A. *The Defendant: the State. The story of the Hungarian Helsinki Committee.* [Chapter: *The Alternative Forum of Budapest*], Hungarian Helsinki Committee, Budapest 2005. - С. 37-68.

такая манера, такая техника подпольной дипломатии ранее использовалась в культурных целях только в коммунистических странах. И потом мы ничего не сказали о том совершенно новом понятии культуры, которое фактически родилось не в Будапеште, а в Хельсинки. Если есть какая-нибудь правда в словах молодого Лукача, то культура может быть определена как культивирование желания нашего собственного совершенствования. Здесь, в Будапеште, государства сделали огромный скачок в сторону определенного совершенствования, которое достаточно реально – и стало таковым благодаря самому существованию Форума: я говорю о совместной официальной культуре Ялты-Европы. Мой личный выбор для названия этой новой культуры – Хельсинкский китч, и мне довелось знать, что – как желание само по себе – она продолжает жить и оказывает влияние, даже при том что в настоящее время отказывается выпускать Заключительный акт (...)

Точки соприкосновения очевидны: предпочтение межгосударственных отношений. Все коммунистические страны – за расширение культурных отношений на строгих условиях, дабы это не ослабило их контроль над культурой. Пока они не чувствуют здесь для себя угрозы, они желают брать на себя даже такие обязательства, которые противоречат их идеологии и принципиально, и практически (...) Независимо от того, как высоко мы ценим выдающихся деятелей западной культуры, приехавших в Будапешт, факт остается фактом: согласно правилам, в делегации могли быть включены только люди, отобранные государствами. Ранее только восточноевропейский истеблишмент игнорировал культурную область, независимую от государств; теперь весь культурный истеблишмент эффективно проделал то же самое, когда „принял” оправдания венгров за непозволение независимому симпозиуму быть проведенным в общественном месте, что они, как хозяева, обязаны были сделать»²¹.

²¹ M. Haraszti, *The Helsinki Kitsch // Beszélő, Összkiadás (Collected Edition)*, Т. II: 1984–1987, *op.cit.* – С. 272-273.

Действительно, события, произошедшие в области международной политики в течение десяти лет после Хельсинки, дали весьма мало причин для удовлетворения, которое было правдиво отражено «недостатком продвижения» на Будапештском форуме. Однако Будапештский культурный форум стал существенной стадией в Хельсинкском процессе, не столько в силу официальных событий, сколько в силу инициативы, проявленной Международной хельсинкской федерацией. Федерация захотела провести параллельную встречу в течение первых трех дней официального Форума. Она стала известна как альтернативный, или противофорум.

Проблема Альтернативного форума

Венгерская тайная полиция хорошо знала об этих приготовлениях за много месяцев до запланированного события. Поэтому в последний момент она тайно проинструктировала администрацию отеля «Интерконтиненталь» отказаться предоставить зарезервированный банкетный зал, и таким образом Хельсинкская федерация лишилась шанса провести публичную встречу. Однако, благодаря венгерской оппозиции, встреча смогла все же состояться: 15 октября участники собрались на квартире поэта Иштвана Йорсы, а 16 и 17 октября – на квартире режиссера Андраша Йелеша. Таким образом встреча стала частным делом, которое агентство государственной безопасности было неспособно предотвратить, хотя и пыталось контролировать его любыми средствами с начала и до конца третьего дня²².

Будучи в то время молодым писателем и редактором, я сохранил некоторые воспоминания об уникальной атмосфере этой полуконспиративной-полупубличной встречи в квартире известного поэта и нестибаемого приверженца «56-го»

²² Кроме детальных агентурных сообщений, остались также полные звуковые отчеты, тайно записанные полицией, как было недавно обнаружено Комитетом Кенеди, которому была поручена проверка всех неопубликованных документов коммунистических секретных служб.

Иштвана Йорсы близ Моста Елизаветы. Фактически «Запад встретил Восток» свободно, а скорее с удивлением, в этом временном убежище большой квартиры в центре города, до отказа заполненной весьма неофициально одетыми местными интеллектуалами, студентами, некоторыми известными писателями и активными правозащитниками из «свободного мира» и дружескими лицами западных дипломатов - в целом чуть больше ста человек. Сидя на полу, на стульях или стоя за ними, аудитория внимательно слушала выступавших, которые говорили главным образом на английском и иногда на немецком, французском или венгерском языках. Выступления затрагивали вопросы неприкосновенности писателей, их роли в обществе и в будущем европейской культуры. Самой важной и щекотливой темой была, однако, тема цензуры, едва упомянутая на официальном форуме.

Среди прочих противофорум посетили Сьюзен Зонтаг, Пер Вастберг, Данило Киш, Ганс Магнус Энзенсбергер, Тимоти Гартон Эш, Амос Оз, Павел Когут и Джири Груза, а также многие венгерские писатели, такие как Дьердь Конрад, Шандор Соори, Дьердь Бенче, Миклош Месоли и Миклош Тамаш Гаспар. Хельсинкская федерация была представлена Джеральдом Наглером, Джери Лабером, Ари Нейером и Карелом фон Шварценбергом, который совсем недавно был избран президентом международной Хельсинкской федерации. Три телевизионных канала, несколько радиостанций, включая «Би-Би-Си», «Голос Америки», «Немецкую волну» и «Свободную Европу», и бесчисленные корреспонденты западных СМИ приняли участие в симпозиуме, передавая сообщения и беря интервью у участников.

Дьердь Конрад, в те годы «бывшая персона» в своей собственной стране, но, возможно, самый известный венгерский автор за границей, написал длинное эссе, которое было сначала издано в самиздате²³, а затем было зачитано вслух автором непосредственно как вступительная речь перед участ-

²³ „AB Hírmondó”, 1985, № 4. - С. 1-10.

никами Альтернативного культурного форума в Будапеште. Даже его название звучит полемически, с привкусом иронии: «К реформе цензуры?» (*A cenzúra reformja?*). Фактически Конрад дал в нем глубокий анализ всех аспектов проблемы: исторических, политических, психологических, - и нередко делал весьма оригинальные заключения. Стоит привести здесь некоторые короткие извлечения из его эссе:

(Психологические замечания)

«Вы можете чувствовать, что вооружены против него, но фактически цензор глубоко проник в ваш ум. Даже тот, кто действует против цензуры, должен чувствовать ее власть, хорошо зная, что он вступил в запретную зону, которая придает своего рода криминально-моралистический характер всему, что он пишет – странное чувство, которое может некоторое время захватывать подростковую фантазию, но не имеет никакой значимости с высоты звезд».

(Сравнение западной и восточной моделей)

«Даже в либеральных демократических государствах мы можем найти цензуру, но там не существует такой вещи как одна единственная Цензура. Если нет централизованной власти, нет и централизованной цензуры. Однопартийная система требует цензуры с единым центром, которую можно нарушить или заставить отступить в определенных областях, но которая все равно удерживает за собой монопольное право контроля над культурой».

(Некоторые исторические аспекты)

«Столетия от Вольтера до Флобера хватило французским писателям, чтобы избавиться от цензуры. Однако восточной половине Европы для достижения этой цели оказалось недостаточно даже двух столетий. Цензоры и таможенники в Восточной Европе все еще ничуть не комические персонажи. Ваша улыбка немедленно застынет, как только они вытащат ваши личные заметки из вашего портфеля, прочитают их и,

возможно, конфискуют, если захотят. Эти парни вооружены законными резиновыми дубинками с высоким чувством долга». Итак: «Альтернативная, независимая или частная публикация в нашей стране, которую мы с недавних пор зовем «самиздатом» - весьма старая и почтенная традиция. Фактически, живые модели наших бронзовых памятников: Сеченьи и Кошут, Танчич и Петефи - позвольте мне любезно представить их вниманию наших иностранных друзей — были мастерами самиздата и бросали вызов всем цензорам своего времени. Как их последователи, мы тоже не преступники, а просто активные и независимые люди, которые хотели бы снова превратить ограниченную коммуникацию нашего общества в свободную и живую».

(Требования и планы на будущее)

«Одним из самых важных, долгожданных шагов культурной реформы должна стать легализация альтернативного книгоиздания.

Пусть будет снова введена формальная цензура, если угодно, и пусть будут судебные процессы, если прокурор считает, что автор или издатель серьезно нарушили закон. Однако странно видеть, что протагонисты прогрессивных реформ хотели бы достичь того же уровня, какой уже существовал в венгерском книгоиздании в 1930-х годах — в стране, которая была далека от того, чтобы быть демократическим государством. В эпоху Хорти существовала лишь цензура «задним числом», а для периодических изданий менее десяти выпусков в год вообще не было никакой нужды в предварительном разрешении».

Как демонстрируют эти несколько цитат, эссе Конрада затрагивало большинство злободневных вопросов дебатов по цензуре. Другие ораторы противопорума высказывали тем не менее характерные — хотя зачастую и противоречивые — идеи, как сообщалось в те дни *Hírmondó*, популярной самиздатовской газетой Будапешта:

«(...) Данило Киш указал, что самоцензура еще более вредна, чем реальная, официальная цензура, потому что первая шизофреничным образом вынуждает автора принять индивидуальность другого человека, который, возможно, и не существует даже как реальная личность.

Дьердь Конрад подчеркнул недопустимую природу цензуры. Цензура должна быть отменена, а не преобразована. В своих комментариях о письменном тексте он упомянул авторскую дилемму: нужно ли быть лояльным к законам государства или к нормам литературы. Говоря об ограничениях, продиктованных политическими „реалиями“, Иштван Цурка упомянул цензуру и самоцензуру, заявив, что, в то время как политика, вероятно, должна иметь дело с реалиями, культура должна возвышаться над ними. Литература не может принять их, и авторы должны стремиться даже к невозможному. Он процитировал Эпиктета: „Только тот заслуживает свободы, кто готов умереть за нее“.

Другой важной темой симпозиума было европейское единство и европейская идея.

Согласно Сьюзан Зонтаг, будущее Европы – в создании мультикультурной и многонациональной Европы без отдельных государств. Ганс Магнус Энзенсбергер, напротив, считает, что ни „европейская идея“ никогда не может быть руководящим принципом, ни европейские институты и бюрократические организации политической власти не могут быть нашими идеалами. Он подверг критике идею Европейского союза, указав, что немцы продолжают считать себя немцами, а не европейцами.

Иштван Цурка нарисовал картину Европы как больного и онанистичного общества, интересующегося исключительно деньгами. Запад может производить только товары, а не идеи. Однако Восточная Европа смотрела на Запад с вдохновением. Люди могут думать только о реальном (их так научили), в то время как самые чудовищные вещи в мире происходят во имя реальности. Не согласившись с Цуркой, Франсуа Бонди в своей краткой и остроумной речи указал, что необходимость новых

идей совершенно не самоочевидна. В любом случае, идеи демократии и прав человека, наряду со многими новыми движениями в искусстве, зародились на Западе. По общему признанию, некоторые новые идеи произвела сама Восточная Европа, такие как коммунизм, например...

В словах Дьердя Крассо не было такой вещи, как Европа вообще; была история. Было много способов разделить Европу, но разделило ее на две области главное различие: одна ее половина была оккупирована русскими, а другая половина *не* была оккупирована американцами. В этом контексте тот факт, что Венгрия была оккупированной страной, повергнутой революцией, заслуживает большего внимания. (...)

Другой темой, более всего привлекавшей внимание участников, было положение и роль писателей.

Пер Вастберг указал, что литература нужна не для того, чтобы делать какие-то окончательные и непоколебимые выводы, а скорее как свидетельство плюрализма. Не следует ожидать от авторов установления различных целей; они должны выразить неудовлетворенность и желание. Ален Финкельштейн говорил о предательстве авторов. Амос Оз упомянул об ответственности авторов, указав, что тирания, притеснение, моральные затруднения и массовое убийство всегда и всюду начинались с загрязнения языка. Задача автора в том, чтобы назвать все своими именами. Каждый раз, когда война описывалась как мир, притеснение и преследование – как безопасность, а убийство – как освобождение, неизменно оказывалось, что тирания заковывала язык в кандалы (...)

Джири Груза говорил о тех интеллектуалах-эмигрантах из Восточной Европы, которые считались “пророками” в своем отечестве, а теперь стали экс-пророками и на Западе, и на Востоке. Фактически, даже вернувшись на родину, они лишь воплотили собственную индивидуальность, а не свои прекрасные идеалы»²⁴.

²⁴ „AB Hírmondó”, 1985, № 5. - С. 3-4.

На Западе освещение прессой альтернативного форума значительно превысило освещение в прессе официального форума. Крупные западные ежедневные газеты, еженедельники и журналы, включая австрийский *Profil*, немецкие *Die Welt*, *Die Weltwoche* и *Die Presse*, престижную *Swiss Neue Zürcher Zeitung*, французскую *Liberation* и итальянскую *La Repubblica*, опубликовали детализированное освещение противофорума. Эссе Данило Киша было опубликовано в *New York Times Book Review*. Гартон Эш опубликовал сообщение в *Spectator* и написал более пространственный обзор для *New York Review of Books*. В последнем, озаглавленном как «Венгерский урок», он показал, что, хотя цензура в Венгрии, возможно, и казалась либеральной на расстоянии, в действительности характеризовалась хаосом и непредсказуемостью. Невозможно предугадать, что именно покажется властям нарушением правил и как далеко будет простираться их терпимость. В качестве примера, в ответ на советские протесты, он указал, что тираж монографии о Бела Куне²⁵, написанной партнером партийного Института истории, был недавно изъят из магазинов и уничтожен²⁶.

Андраш Минк, в своей уже упоминавшейся книге, приходит к заключению: «Альтернативный форум обошелся без резолюций; он не выпустил заключительного коммюнике и не представил официальной позиции по обсужденным проблемам. Но никто и не собирался этого делать. По сути, форум исполнил свою миссию. Одна из его целей состояла в том, чтобы позволить авторам, художникам и диссидентам и с Востока и с Запада встретиться и узнать друг друга. Другая очевидная цель состояла в том, чтобы наличие цензуры и положение диссидентов в коммунистических странах получили

²⁵ Бела Кун (1886-1938) был лидером Венгерской коммуны 1919 года, позже бежал в Советский Союз, где пал жертвой сталинских чисток. Монография, упомянутая Тимоти Гартоном Эшем, - книга Дьердя Борсаны «Бела Кун».

²⁶ T.G. Ash, *The Hungarian Lesson*, „The New York Review of Books”, 5 December 1985. По поводу освещения противофорума в СМИ см.: Архив Открытого общества, Будапешт, HU OSA 318-0-5; Отчеты Международной хельсинкской федерации за права человека: Проектные файлы: Культурный форум, Будапешт, Газетные вырезки. Бокс 2, папка 3.

гласность на Западе. Третья цель противофорума состояла в том, чтобы либо провести в жизнь право, признанное Хельсинкскими соглашениями — право групп граждан на собрание — либо поведать миру об отрицании властями этого права. Противофорум оказался в состоянии оправдать все эти надежды»²⁷.

Однако многие диссиденты в Будапеште — и без сомнения еще больше в Варшаве, Праге, Москве и Бухаресте — чувствовали разочарование результатом официального Хельсинкского форума, так как ожидали скорее «громкой солидарности вместо тихой дипломатии» Запада. Как упоминалось, Харати в своей статье радикально отмежевался от всей политики «Хельсинкского китча», который в его восприятии лишь помог сохранить статус-кво циничной политики «Ялтинского порядка». Однако советский правозащитник Сергей Ковалев чувствовал совершенно иначе, указав: «большая красная акула уже заглотила крючок в Хельсинки. Теперь Западу осталось только дернуть за леску». Его убежденность, казалось, оправдывалась тем, что первый саммит Рейгана-Горбачева состоялся в то же самое время в Женеве, который, как вскоре оказалось, стал первым и решающим шагом к быстрому роспуску советской власти. Однако простые восточноевропейские граждане едва ли могли прочувствовать это. Как раз наоборот: в течение последующих месяцев казалось, будто венгерские власти хотят взять реванш за свою предыдущую снисходительность, вызванную массовым присутствием западных дипломатов. Демократической оппозиции предстояло еще перенести длинный ряд преследований: домашних обысков, штрафов, арестов, которые завершились зверским нападением полиции на мирных демонстрантов, печально известной «Битвой у Подвесного моста» 15 марта 1986 года — на самом деле в национальный день памяти, когда свобода прессы впервые была достигнута молодыми поэтами и студентами Будапешта в славной увертюре к революции 1848 года.

²⁷ A. Mink, *op.cit.* - С. 66.

Преданный документатор «дельфинологии»

Сложный механизм государственного контроля ограничил также свободу научных исследований и открытых дебатов, особенно в области гуманитарных и общественных наук. Это как-то уравнивалось частными квартирными семинарами (прозванных в народе «летучими университетами»), посвященными некоторым злободневным вопросам прошлого и настоящего. Даже в то время существовали страстные «документаторы» цензурных злоупотреблений и интеллектуального сопротивления. Историк Миклош Сабо, например, представил отчет²⁸ о прошедших десятилетиях венгерских академических институтов, в котором он также подчеркнул важность факта, что относительная независимость могла быть успешно сохранена благодаря продолжающемуся скрытому воздействию революции 1956 года. (Выпущенные из тюрьмы в начале 1960-х годов, многие бывшие преподаватели, участвовавшие в революционных событиях, нашли пристанище в некоторых наименее контролируемых научно-исследовательских институтах.) Другой диссидент, философ Дьердь Бенче, представил анализ идеологических кампаний коммунистической партии, направленных на ограничение свободы исследований и открытых научных дебатов²⁹. Литературный редактор Ференц Кесег в своем детальном исследовании³⁰, написанном в 1985 году, пришел к выводу, что «сегодня цензура бьет по социальным научным публикациям гораздо сильнее, чем по беллетристике, и контролирует абстрактные идеи более строго, чем эмпирические факты». Хотя в некоторых случаях одинаково верным могло быть противоположное (см. запрещен-

²⁸ M. Szabó, E. Csizmadia, *A magyar demokratikus ellenzék, 1968-1988. (The Hungarian Democratic Opposition, 1968-1988)*, T. 3, Interjúk. - C. 75-77.

²⁹ G. Bence, *Cenzúrázott és alternatív közlési lehetőségek a magyar kultúrában. Beszámoló a budapesti Kulturális Fórum alkalmából. (Publishing facilities in Hungary in the censored and alternative culture. A status report for the Budapest Cultural Forum.)* // „AB Hírmondó” 1985, № 4. - C. 20-21.

³⁰ F. Kőszeg, *Könyvkiadói cenzúra Magyarországon (Censorship over book publishing in Hungary.)* // *Beszélt, Összkiadás (Collected Edition)*, T. I: 1981-1984, *op.cit.* - C. 239-248.

ные документальные фильмы или неопубликованные результаты исследований о бедности, коррупции или дискриминации цыган и т. д.). Кесег привел интересное сравнение: «Результаты социографического исследования, согласно которым питьевая вода в большом количестве деревень оказалась зараженной, а власти, похоже, об этом не беспокоятся, вероятно, в состоянии сильнее поколебать доверие средних читателей – фактически обычных людей – к блаженным пророчествам марксизма-ленинизма, чем простое утверждение, что тезисы Энгельса о «диалектике природы» банальны или вообще бессмысленны. Однако первое исследование может быть опубликовано, а второе – нет, пока цензура философских публикаций продолжает охранять и защищать Доктрину, к которой уже никто не относится всерьез».

Коммунистическое цензурное право контроля, вступившее в силу с 1948 года, распространилось и на литературное и интеллектуальное наследие страны. Иногда по «идеологическим» причинам менялись лишь несколько слов или названий, изымались отдельные строки, в других же случаях из «собрания сочинений» национальной классики XIX и XX столетий изымались целые романы, повести, мемуары или стихи. Такая продолжающаяся позорная практика сталинистской цензуры сподвигла многих авторов и редакторов с независимым нравом на систематическое документирование подобных «филологических злоупотреблений» и предание их гласности в легальных или самиздатовских изданиях, на регулярных или «летучих» семинарах. Наиболее преданными защитниками венгерской классики, павшей жертвой цензуры *posthumus*, были Матиаш Домокош, Ласло Сереньи, Петер Баласса, Акош Силадьи и Ференц Кесег. В результате, к началу 1980-х годов защита творений национальной классики от рук коммунистических цензоров стала своего рода интеллектуальной модой, получив ироническое название «дельфинология». Это псевдонаучное слово, остроумное изобретение Ласло Сереньи, в то время молодого историка литературы, отсылало к средневековой практике французских иезуитов, системати-

чески подвергавших цензуре работы старинных авторов для прочтения их дофином, юным наследником трона – «для употребления Дофином». Как саркастически заключает Сереньи: «Таким образом все читатели коммунистических стран волей-неволей стали французскими наследниками трона!»

Случайные скандалы вокруг государственного контроля культуры становились достоянием общественности, когда некоторые выпуски литературных или культурных периодических изданий конфисковывались, а их непослушные редактора внезапно смещались. Редактор-основатель самиздатовского *Beszélő* Шандор Силадьи проанализировал множество таких случаев, с 1960-х до начала 1980-х годов, в своей статье³¹, описывавшей цензурные конфликты таких крупных ежемесячников, как *Mozgó Világ*, *Filmkultúra*, *Kortárs*, *Forrás*, и *Tiszatáj*. Механизм управления газетами и периодическими изданиями был перестрахован и в высшей степени бюрократичен. Помимо «владельца» (в большинстве случаев местной ветви партии или государственной организации), за предотвращение политических «дисфункций» были ответственны Бюро национальной информации (*Tájékoztatási Hivatal*) и специальный отдел Центрального комитета, однако все же время ко времени они не могли их избежать.

Эти случаи также горячо обсуждались на общих собраниях Союза венгерских писателей в 1980-е годы, как одна из главных «коллективных жалоб» всех авторов. Неудивительно, так как эти периодические издания традиционно обладали высокой репутацией и играли особую роль в формировании интеллектуальной и общественной жизни страны, кроме того чисто литературный еженедельник *Élet és Irodalom* («Жизнь и литература») с 1957 года читался ради его критических дебатов, смелых статей и интервью. Самым громким из всех этих скандалов стало, без сомнения, смещение молодой и радикальной редакции *Mozgó Világ* («Живое слово») в 1983 году. К тому времени стало секретом полишинеля, что это очень популяр-

³¹ S. Szilágyi, *A főszerkesztőket le lehet váltani... (Editors-in-Chief Can be Replaced, but...)* // *Beszélő. Összkiadás (Collected Edition)*, T. I: 1981–1984, *op.cit.* - С. 157-158.

ное периодическое издание было принято новым поколением авторов и редакторов и участвовало в постоянном конфликте с некоторыми партийными аппаратчиками и цензурными организациями. Упрямые редакторы, которые чувствовали, по ироническому марксистскому революционному определению, что «могут лишиться только своих цепей», решили наконец отказаться от всех неофициальных инструкций сверху и обратились к поддержке общественности. В качестве вызывающего прецедента они настаивали на том, чтобы получить от цензурных организаций детальный список всех запрещенных авторов и работ, и это требование приводило тех еще в большее бешенство. Ради спасения периодического издания и его редакторов полуспонтанно началась обширная кампания солидарности. Были отправлены письма протеста, проведены общественные дебаты, организованы демонстрации в будапештских университетах — все напрасно, персоналу редакции пришлось уйти. Так или иначе, этот многообещающий прецедент показал, что публичный протест может получить массовую поддержку, и стал знаком того, что государственной цензуре осталась недолгая жизнь³².

Последние коммунистические законы о прессе

Когда Ференца Деака, видного либерального политического деятеля XIX столетия, духовного отца австро-венгерского компромисса 1867 года спросили, что должны включать новые законы о прессе, он предположительно ответил: «Только два слова – не лгать!»

В действительности последние коммунистические законы о прессе 1986 года включали в несколько сотен раз больше слов в свои длинные параграфы, которые сами по себе давали серьезное основание заподозрить об их реальных намерениях. Фактически акт вступил в силу в апреле 1986 года (спустя несколь-

³² Полную историю *Mozgó Világ* см. в подробно документированной монографии Дьердя Немета: *A Mozgó Világ története, 1971-1983, (The Story of Mozgó Világ)*, Új Palatinus, Budapest 2002.

ко месяцев после окончания Будапештского культурного форума) и при первом прочтении казался странной смесью либеральных принципов и продолжающихся цензурных ограничений, вдохновленной и демократической критикой с Запада, и новой кампанией Горбачева за «гласность». Более близкое знакомство с текстом, однако, помогало увидеть, что именно оказало большее воздействие на венгерский закон февраля 1986 г.³³

В преамбуле торжественно заявлялось, что «Конституция Венгерской Народной Республики гарантирует свободу печати. Все граждане имеют право обнародовать свои мысли и свои художественные труды в прессе, если они не нарушают конституционный порядок Венгерской Народной Республики. Для полного обеспечения этого основного права Венгерский парламент создает нижеследующий акт...»

В действительности первое новшество состояло в том, что это был собственный акт, составленный парламентом, в противоположность его предшественникам: постановления правительства 1959 и 1975 гг. были просто выпущены, чтобы регулировать управление прессой. Это хорошо соответствовало общей тенденции позднего коммунистического правления – укреплять традиционную законодательную роль парламента, который, со своей стороны, был демонстративно лоялен к однопартийному режиму и был избран далеко не демократическим путем.

Этот Закон 2.1986 содержал и некоторые другие новые и положительные элементы. В нем также заявлялось, что «публичная информация не может нарушать права человека, оправдывать преступления против человечества, подстрекать к войне или возбуждать ненависть к другим народам, как не может поддерживать шовинизм и дискриминацию на этническом, национальном, религиозном и сексуальном основании»

³³ Полный венгерский текст закона II/1986 можно прочитать на сайте: <http://fn.opten.hu>. Я приношу благодарность доктору Алайошу Домбаху, бывшему вице-президенту Венгерского парламента, за его помощь в юридическом анализе текста.

(§ 3, пункт 2). Раздел «Обязанности служб общественной информации» включал также некоторые общие положения, которые предусматривали более демократический контроль гласности. «Государственные органы, деловые компании, общественные и политические организации должны содействовать правдивой, точной и оперативной службе (...) общественной информации, предоставляя прессе все необходимые данные и отвечая на запросы» (§ 4, пункт 1). Пункт: «Пресса может сообщать относительно — даже без согласия соответствующих организаций — любых публичных сессий государственных органов, деловых компаний, общественных и политических организаций, равно как их специальных комитетов и общественных судебных дел» (§ 5). Немало прогрессивных добавлений появилось также среди «Прав и обязанностей журналистов» (§ 11, пункты 1-4), и, как обещание на ближайшее будущее, разрешалось законное открытие местных радиостанций и телевизионных каналов (§ 9, пункт 3).

Можно справедливо спросить: «Зачем же тогда понадобились еще по меньшей мере три года ожесточенных боев за гласность?» И вновь близкое знакомство с Законом может помочь ответить на этот вопрос, так как «дьявол всегда прячется в деталях» — глубокое знание, которым никогда не пренебрегали коммунистические цензоры и другие «работники над текстами». Прежде всего, согласно новым законам о прессе, ничуть не изменилось ни монопольное право государства (фактически - партии) на прямой контроль трех радиостанций и двух телевизионных каналов страны, ни его монопольное право на управление единственным Венгерским Агентством Новостей (МТИ). Кроме того, согласно § 12, вся «продукция прессы» могла быть произведена и издана, все периодические издания и местные студии могли быть основаны только после предварительного разрешения соответствующих властей (Министерства культуры, Информационного бюро, местных государственных органов и т. д.), способными отказать в разрешении по множеству причин, которые закон с готовностью им предлагал. Укоренившийся корпоративный дух государствен-

ного социализма вообще не позволял издавать газету или периодическое издание частным лицам, а только государственным учреждениям, государственными компаниями и зарегистрированными организациями (§ 7, пункт 1). Главы издательств, редакционные сотрудники и типографии строгими инструкциями обязывались предоставлять властям полную документацию на постоянной основе, а общественные поверенные, полиция и суд обладали обширным правом отбирать разрешение, запрещать и конфисковать «продукцию прессы» (§ 14-17.) Однако самые сильные цензурные ограничения – а в действительности целый легион маленьких дьяволов – скрывались среди деталей преамбул к закону, выпущенных правительством (12/1986). Согласно им, новый закон вступал в силу лишь полгода спустя, чтобы государственный аппарат на всех уровнях мог подготовиться к великолепному новому веку свободы печати.

Не состоялось никаких общественных дебатов по законам о прессе, и они прошли через гладкую машину коммунистического парламента без голосования против. Это была типичная «реформа сверху», последняя и двойственная попытка сделать цензурный контроль более «обтекаемым», вскоре вытесненная напором радикальных перемен.

Мятежники в Союзе венгерских писателей

Среди множества скандальных конфликтов дебаты двух Общих собраний Союза венгерских писателей получили особое значение: одно было проведено в декабре 1981 года, а другое – в конце 1986 года, спустя тридцать лет после революции 1956 года. Однако многие подробности этих легендарных эпизодов писательских мятежей 1980-х годов продолжали оставаться «общественной тайной», из-за былой цензуры и того факта, что большинство первичных документов с тех пор

исчезло³⁴. Если бы эти горячие дебаты не опубликовались в те дни в самиздате (*Beszélő*) и в тамиздате (парижской *Gazette Litteraire Hongroise* и на радио «Свободная Европа»), спустя десятилетия до нас дошли бы лишь разрозненные мемуарные отрывки.

Одним из них является «Прощание с писательским союзом» Дьердя Конрада, возвращающее нас в зловещую атмосферу конца 1981 года:

«Прошло двадцать пять лет [с осени 1956 года], и я не имел непосредственного отношения к Союзу венгерских писателей, но все же пошел посмотреть на его Общее собрание, проведенное 12-13 декабря 1981 года. От имени Коммунистической партии, или «власти», как это обычно называли в те дни, Дьердь Ацел произнес длинную речь, несколько угрожающим тоном, но в перерыве он, казалось, пренебрег всеми нейтральными и льстивыми участниками, собравшимися вокруг него, и подошел к нам троим, его главным тогдашним противникам: Шандору Соори, Иштвану Йорсы и ко мне, чтобы слегка пополемизировать.

В тот же самый день мы получили новости, что в Польше введено военное положение. Грязная работа, проделанная в Венгрии в 1956 году Советской Армией, была проделана в Польше ее собственной «национальной армией» под командованием генерала Ярузельского. Мы собрались тесными группами, и вся сессия Общего собрания прошла под шепот частных обсуждений. Там и здесь участники собирались вокруг маленьких радиоприемников, чтобы послушать венгерскую передачу радиостанции «Свободная Европа». На самом деле высокопоставленные аппаратчики чувствовали себя столь же неуютно, как и сами писатели, не испытывавшие нежных

³⁴ Кроме протокола Общих собраний, проведенных в конце 1956 года и 1989 года, не осталось никаких документов ни во внутреннем архиве Союза писателей, ни в фондах Национального архива США (MOL). Последние официальные документы, письма и т. д., переданные в Национальный архив США, датированы 1973 годом.

чувств к грохоту танков и к командос, отправляемым по утрам для арестов»³⁵.

При таких обстоятельствах можно спросить, были ли какие-нибудь протесты или реальные дебаты в повестке дня Общего собрания 1981 года. На самом деле 12 декабря, за день до польского военного переворота, кое-что было. Иштван Йорсы открыто выступил против административных средств, нацеленных на ограничение свобод авторов. Он говорил о тайно распространенных проскрипционных списках, за которые никто не осмеливается брать личную ответственность, и вместо этой позорной практики он предложил ввести юридически определенную, откровенную цензуру. Многие, должно быть, испытывали молчаливое сочувствие к присутствовавшим, но все же провокационное предложение оказалось не в состоянии получить поддержку других ораторов. Единственной реакцией была реакция главного редактора *Élet és Irodalom* (единственный и только литературный еженедельник), цинично выкрикнувшего, что он готов редактировать писания Йорсы в любое время, так как имеет большой опыт в этой работе. Помимо этой интермедии, самые радикальные знаки писательского протеста сводились к предложениям некоторых реформ, нацеленных на изменение Устава Союза и некоторую демократизацию процедуры избрания правления. (На самом деле, многие из кандидатов партии были забаллотированы и заменены инакомыслящими.) Второй день, 13 декабря, был омрачен свежими новостями из Польши, как и упоминается в мемуарах Конрада. Хотя некоторые встревоженные ораторы просили своих непреклонных коллег «не доводить власть своим неповиновением до грани трагического конфликта 1956 года или военной диктатуры, которая отправит их в тюрьму», никакого протеста против польского военного переворота и ни

³⁵ „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ от 21 марта 2001 г.

о какой солидарности с польскими авторами собрание не заявляло³⁶.

Но здесь мы не можем продолжать, не упомянув хотя бы вкратце о той роли, которую сыграли венгерские писатели в 1956 году. Как известно, многие из них принимали активное участие в общественных событиях перед революцией, во время и после нее, а сам Союз писателей был первой и последней цитаделью национального демократического сопротивления. Вплоть до смерти Сталина литература и общественная жизнь предполагали служение коммунистической пропаганде под прямым руководством партии и венгерского подразделения КГБ. Однако при первом правительстве Имре Надя многие видные писатели и поэты — такие как Тибор Дери, Гиула Иллиеш, Лоринц Сабо, Арон Тамаши и Ласло Немет — начали снова издавать свои работы. Писательский союз шаг за шагом возвращал свою независимость и, наряду с *Petőfi Kör* и *Irodalmi Újság*, стал самым влиятельным форумом общественных дебатов. В течение «тринадцати дней, которые потрясли Кремль» авторы от всего сердца и всеми средствами выражали свою поддержку революции: они издавали стихи и статьи в свободной прессе, обращались к мировой общественности с призывом помочь Венгрии, принимали участие во многих мирных демонстрациях и поддерживали прямой контакт с революционными органами, студентами и рабочими, борцами за свободу и основателями новых партий, таким образом содействуя формированию общенационального единства всех демократических сил. Даже много позже советского вторжения 4 ноября, писатели оставались демонстративно лояльны к революции — в самые темные дни террора и невзгод, в полуразрушенной стране. Этот высокодуховный патриотизм и глубокая преданность демократическим идеям чувствовались на последнем свободном собрании Союза писателей, проведенном 28 декабря 1956 года. Особенно в его торжественной

³⁶ Подробнее см. в докладе Дьердя Далоша «Писатели между собой», изданном в самиздате *Beszélő*. Весна 1982. Также в публикации: *Beszélő. Összkiadás (Collected Edition)*, Т. I: 1981–1984, *op.cit.* - С. 114-115.

декларации «Тревога и доверие», тексте блестящего романиста Арона Тамаши, который можно считать моральным и политическим завещанием сокрушенной революции³⁷. Две недели спустя среди писателей также начались массовые аресты, и Союз был насильственно распущен.

Потребовалось три года, чтобы сломить молчаливое сопротивление авторов и вновь собрать – как часть консолидации Кадара – «умиротворенный» Союз³⁸. Но говорит само за себя, что три десятилетия потребовалось писателям, чтобы снова открыто взбунтоваться, и коммунистическому режиму – чтобы противостоять им силой. Этот более чем символический конфликт случился в конце 1986 года, ровно тридцать лет спустя после венгерской революции, на Общем собрании Союза писателей. На самом деле протоколы этих двухдневных бурных дебатов были запрещены к обнародованию министром культуры – а позже все исчезло, как и протоколы Собрания 1981 года. Таким образом, читая подробный самиздатский отчет *Beszélő*, можно только догадываться, каковы же были главные пункты повестки дня³⁹.

Из более чем 600 членов Союза на сей раз присутствовали 444 автора, включая 70 членов избранного правления. Кроме министра культуры и его представителей, встречу посетили два секретаря Центрального комитета партии вместе со многими видными академиками, главами отделов, издательств, редакций и бесчисленными литературными аппаратчиками более низкого уровня. С другой стороны, собралось большое

³⁷ Полный текст протокола Общего собрания в декабре 1956 года был издан на венгерском языке сначала в самиздате: *Magyar Írók Szövetsége 1956 decemberi közgyűlése*, AB Független Kiadó, Будапешт, 1982; и позже под тем же самым названием в выпуске 1-2/1989 периодического издания *Literatúra* (Будапешт).

³⁸ Об «умиротворении» авторов, вовлеченных в революцию 1956 года, см. детальную монографию: É. Standeisky, *Az írók és a hatalom 1956-1963 (Авторы и власть, 1956-1963)*, 1956-os Intézet, Будапешт 1996. См. также книжное обозрение «На Привязи» Иштвана Деака в „Hungarian Quarterly”, Winter 1999.

³⁹ *Közgyűlésen és közgyűlés után (Собрание и все последующее) // Beszélő, Összkiadás (Collected Edition)*, Т. II: 1984–1987, *op.cit.* - С. 728-739.

разнообразие мятежных «нерегулярных» войск для долгожданного столкновения, при поддержке огромной толпы одиноких героев, готовых присоединиться к ним при необходимости.

В действительности это было скорее живописное политическое сражение, нежели степенная дискуссия выдающихся писателей. «То, что случилось за последние пять лет, не может снова повториться», - угрожающим тоном начал свою речь секретарь Центрального комитета Янош Береч, тайный кандидат в преемники Кадара. Вероятно, это было первым и последним утверждением, за которое все присутствующие могли в полном согласии проголосовать — хотя каждая сторона в своем значении. Оратор, должно быть, подразумевал, что партия больше не потерпит неповиновения, что большая часть правления и другие инакомыслящие открыто выступают против официальных мер, протестуют против цензурных злоупотреблений, подписывают провокационные петиции, празднуют годовщину 1956 года и дают интервью таким «враждебным каналам», как радиостанция «Свободная Европа». Большинство авторов, однако, чувствовали, что произвольный контроль политических деятелей над ними и обществом не может продолжаться вечно. Как заявили самые популярные ораторы Миклош Месоли, Габор Альберт, Иштван Йорсы и Иштван Цурка, «общенациональное согласие» кончилось, страна оказалась перед лицом глубокого кризиса. Итак, политические деятели обвинили писателей в неправомерном вмешательстве в политику — а писатели обвинили политических деятелей в не менее неправомерном вмешательстве в литературные дела. Обе стороны были готовы к разрыву, как вскоре и продемонстрировали многие события.

Заключительным актом второго дня стало избрание нового правления с подавляющим большинством радикалов и лишь несколькими членами партии. В ответ около двух дюжин высокопоставленных участников, включая Бела Копесцы, самого министра культуры, демонстративно покинули Союз и начали формировать собственную организацию. Государственное

финансирование «старого» Союза было ощутимо урезано, и поползли слухи о его неизбежном роспуске. Встречная кампания была поддержана «госиздатом» (правительственной прессой), но выдохлась через несколько недель, и к концу в ней оставалось менее 5% всех участников. Она доказала дальнейшую потерю престижа коммунистической культурной политики не без некоторых комических элементов глубоко оскорбленных аппаратчиков высшего звена. В конце концов, кто может защитить почти всемогущего, но весьма неодаренного министра от самого себя?